

Наверное, многие читатели обратили внимание на то, что сегодня очень модной стала апелляция к традициям, ко всему старому и проверенному временем. По поводу и без повода. В подсознании потребителя активно насаждается убеждение в том, что «традиционное» является синонимом «качественного», хотя это утверждение логически не верно.

На самом деле белорусское общество втянуто в общемировую тенденцию коммерциализации традиций. Является ли этот процесс только удачным маркетинговым ходом и временным трендом? Вряд ли. Но это предмет отдельного исследования. Нас же интересует то, как мода на традицию влияет на историко-культурное наследие. Ведь, как многим кажется, уж наследие-то никогда за рамки традиции не выходило, а рост популярности «старины» должен был сказаться на нем только самым благотворным образом. Пример многих белорусских городов показывает нам, что это не так. Наше наследие и его история только сегодня начинают по-настоящему осознаваться. Только сегодня мы поняли, что можем потерять его безвозвратно. Или уже потеряли?

Никогда наши города не стремились к старине так сильно, как сейчас, и никогда сами свидетельства истории не разрушались с такой скоростью. Справедливости ради необходимо отметить, что с такими же проблемами осознания истории сталкиваются жители Кракова, Парижа, Санкт-Петербурга... Что же в конце-концов происходит с белорусской стариной и с самими белорусами?

Попытаюсь в этой статье обозначить некоторые позиции, на которых зиждется современное представление об историко-культурном наследии. Статья не претендует на статус исчерпывающего исследования, а является скорее изложением основных теоретических достижений современной теории наследия¹. Тем не менее, многое из изложенного ниже зачастую выпадает из поля зрения экспертов. Прояснение этих простых вещей должно послужить основанием для устранения множества недоразумений в среде белорусских исследователей.

Понятия «памятник», «наследие». Виды реновации

Для начала необходимо очертить некоторые общемировые культурные процессы, в контексте которых живут и развиваются исторические города. Для этого необходимо раскрыть общее современное понимание памятника и наследия, а также разъяснить наиболее общие основы их «философии».

Памятник – это очень старинное понятие. Оно существует почти во всех культурах. Памятник (латинское *monumentum*, от слова *monere* – помнить, в первичном смысле – могильный камень), гарантировал, что умершие не будут забыты. Спектр отношения к ним всегда варьировался от безразличия, запустения, обесценивания, уничтожения до адаптации, переработки, сохранения, реставрации, восстановления и т.д.²

Приближенное к современному многоаспектное понимание памятника истории и культуры появилось только в 70–80-х гг. XX в., пережив перед этим длинную эволюцию. Сначала его смысл был бытовым: памятником называлась вещь, созданная для воспоминания о важных событиях или личностях или все то, что их напоминало. Около

¹ В статье используются материалы литовского исследователя Р. Чепайтене.

² Немного к филологической составляющей понятия: в итальянском, французском и английском языках принято пользоваться латинским вариантом «монумент». В этих и не только в этих языках существуют дальнейшие варианты обозначения памятника: мемория, сувенир, мемориал. Греческий – *mnēmo*, *sema* (знак). Немецкий язык – *erinnerung*, *denkmal* (сравните: *tongere* – to think). Самое интересное в славянских языках: чешский – *pomník*, белорусский – *помнік*, польский – *zabytek*, однако по-чешски *zapomínat* – это забывать.

ста лет тому назад бытовой смысл слова меняется, его уже можно связывать с археологическим понятием. Памятник – это каждое творение, имеющее признаки его сотворившей эпохи. Потом к нему добавляется исторический смысл: памятник – это остаток культуры прошлого. Таким образом, одним из самых главных критериев оценки стал возраст объекта (чем старше, тем лучше). Еще позже к археологическому и историческому (документальному) смыслу добавили критерий художественной ценности. На ценность объекта указывали два критерия – историческая информативность (историческая, документальная или научная ценность) и качество формы (художественная, градостроительная и другие ценности). Памятниками стали называть не только творение прошлого, но и самые качественные творения настоящего. Можно добавить, что такое определение памятника уже указывает на что-то отдельное, уникальное, индивидуальное.

Современное обобщенное понятие памятников, согласно Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО – это произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки.

Часто понятие памятника употребляют как синоним культурного наследия, но это неправильно. В отличие от «памятника» «культурное наследие», если опираться на самые известные определения, указывает прежде всего на акт отдачи – преемственности, на континуум связей между поколениями прошлого и будущего. Это не только исключительные памятники, исторические структуры и территории, но и всё созданное людьми культурное окружение. Например, культурным наследием Минска является Александровский сквер на пр. Независимости, историческая застройка пл. Свободы. Могилевская ратуша, несомненно, это элемент наследия, но вот памятником ее называть проблематично, ведь память она в себе содержит только о 2000-х гг., то есть о времени своей постройки. А вот гипотетический памятник Гитлеру, будь он обнаружен в городе, наследием уже вряд ли будет, хотя и в полной мере подпадает под определение памятника.

Думаете, предки минчан бережно сохраняли свою историю? Это совсем не соответствует действительности, так как идея города как совокупности наследия появилась только в XIX в., а до нашего края дошла и того позже. Можно предположить, что разрушение минской ратуши в 1857 г. воспринималось большинством жителей скорее как акт политического кощунства и еще мало кем осознавалось как преступление против культуры. А уж рядовые домики – те вообще сносили десятками, и тогда никому до них не было дела.

Часто в отношении процессов реновации (т.е. обновления) объектов историко-культурного наследия можно увидеть использование терминов «реконструкция» и «реставрация». В большинстве случаев авторы текстов, особенно журналисты, путают эти понятия. Многие считают их синонимичными. Это не так.

Проблемы начинаются уже при использовании слова «реконструкция». Имеются два его значения: 1) коренное переустройство, организация чего-либо на новых основах; 2) восстановление чего-либо по сохранившимся остаткам, описаниям. Значения эти кажутся противоположными только на первый взгляд. На самом деле противоречия в них нет, ведь восстановление чего-либо – это тоже переустройство, причем именно на новых (по отношению к предшествующему реконструкции состоянию) основаниях. В теории консервации принято считать реконструкцией восстановление первоначального облика объекта, сопряженное с художественными, функциональными и конструктивными изменениями. Реконструкция допустима при небольшой степени сохранности объекта, когда отсутствует более 70 процентов его оригинальной материи.

Реставрация – это метод консерваторской интервенции, применяемый к поврежденным объектам, устранение технических и эстетических повреждений с целью

восстановления в первоначальном виде. Ограниченное использование реставрации следует из необходимости проведения научных исследований, изучения источников, позволяющих приступить к восстановлению исторической материи.

Между этими двумя понятиями существуют диалектические взаимоотношения. Реставрация по своему смыслу – это тоже реконструкция, только гораздо более требовательная. В практической плоскости, когда речь идет о, скажем, Несвижском замке, необходимо употреблять понятие «реконструкция». Ведь замок не приводится в первоначальное состояние магнатской резиденции. Нет, там устраивается музей, которого не было в XVIII в. При этом можно говорить о реставрации интерьеров и фасада замка.

Но есть и другие виды реновационной активности:

- Реституция – восстановление объекта, связанное с монтажом в надлежащем месте оригинальных сохранившихся элементов.
- Анастилоз – «собрание» памятника, сложение воедино оригинальных элементов объекта, подвергнувшегося разрушению, развалившегося под действием естественных или антропогенных причин, при исключении реконструкции и ограничении внесения новых элементов только конструктивной необходимостью. Примером может послужить реконструкция дрезденской Фрауэн-кирхи, когда при ее восстановлении использовалось большое количество оригинальных аутентичных стройматериалов, найденных непосредственно на бывшей руине.
- Рекомпозиция – изменение композиционных, пространственных отношений между различными элементами объекта. Связана она с изменением путей коммуникации, посадкой деревьев, возведением новых архитектурных элементов и т.д. Рекомпозиция была подвергнута Советская пл. в Могилеве после восстановления на ней здания ратуши.
- Реинтеграция – изменение некоторых архитектурных элементов, способствующее гармоничному восприятию объекта или ряда объектов наследия. Пример – требующаяся реставрация фасада здания гродненской перчаточной фабрики на ул. Мостовой.
- Раскрытие – действие, направленное на устранение (возможно, частичное) исторических напластований ради демонстрации первоначальной материальной субстанции памятника. Пример – современный вид краковской сукенницы, раскрытой в XIX в. посредством демонтажа окружавших ее в то время хозяйственных построек.
- Ретроизация – термин, противоположный термину модернизация – придание старого вида новым объектам и новоспроектированным кварталам. Ярчайший пример – украшение сграффито зданий XX в. на центральной площади Белостока. Ретроизация вообще очень популярный тренд у нас, в Польше и в прибалтийских странах.
- Ретроверсия – сооружение объектов, стилизованных под старину. Не обладает точностью реконструкции, позволяет широко использовать творческий потенциал архитектора. Включает в себя комплексные археологические исследования, восстановление исторической планировки, постройку новых домов на открытых средневековых фундаментах с соблюдением исторической этажности и традиционных элементов фасада. В Минске хороший пример – гостиница «Европа», а также не очень удачный проект – новый торговый комплекс на Немиге³.
- Ревалоризация – доведение объекта наследия до состояния, открывающего (улучшающего) возможность восприятия его ценностей. Так, своеобразные незаштукатуренные «окошки» на стенах памятников, демонстрирующие нам старинную кладку, называют реставрацией. Но ведь объект так никогда ранее не

³ Считается, что чрезмерное увлечение последними двумя приемами вредит истинным памятникам – они теряют долю уникальности в глазах жителей, путаются и сливаются с новоделами. Кроме того, архитектурное творчество при ретроизации отступает на шаг назад, проигрывает в развитии новых дизайнерских приемов, использовании современных отделочных материалов.

выглядел. Не было на нем первоначально этих раскрытых фрагментов. Речь в таких случаях должна идти именно о ревалоризации.

Знание терминологии, а также истории ее развития очень полезно для правильного понимания процессов трансформации памятников, свидетелями которых мы являемся. Без этого очень трудно вести серьезную научную дискуссию по проблемам охраны и управления наследием.

Наследие и глобализация

Кто был автором идеи консервации европейского городского ландшафта как культурного символа? Ключевыми фигурами в этом процессе стали деятели эпохи романтизма начала XIX в. – британцы Дж. Рёскин, А.В.Н. Пагин, В. Моррис, а также французы Э. Виолле-ле-Дюк и П. Мериме. Они выдвинули тогда новую идею о том, что некоторые здания и даже комплексы зданий не должны уничтожаться при достижении физического износа или недостаточной функциональности. Напротив, эти здания содержат в себе архитектурную, эстетическую, социальную и моральную ценность, поэтому они должны быть сохранены и, возможно, даже восстановлены в первоначальном виде. В течение последней четверти XIX в. множество европейских правительств откликнулось и поддержало эти призывы путем создания ведомств, в задачу которых входила опись всех культурно значимых объектов и выработка критериев понятия «памятник». Законодательство, защищавшее вначале лишь частную собственность на дома, было реформировано, но только к 70-м гг. XX в. (30 лет назад) консервация городских районов стала неотъемлемой частью локального планирования.

Сегодня количество охраняемых объектов в Европе и в мире постоянно возрастает. Реставрационные и дизайнерские работы теперь проводятся не только в европейских столицах, но также почти во всех небольших городах. В Германии, например, каждый город с населением свыше 20 000 человек уже имеет свой четко очерченный исторический охраняемый и интерпретируемый центр. Здания, представляющие культурную ценность, составляют теперь от 5 до 10 % всех зданий в городах Европы. Один из крупнейших мировых мегаполисов Лондон имеет примерно 35 000 национальных и 15 000 локальных памятников. В Голландии различными законодательными актами охраняется почти 100 тыс. зданий – примерно 1,5 % от их общего количества. В историческом центре Амстердама охраняется 6622 здания из 7356 расположенных в нем. Теперь нигде проектные городские работы не могут вестись без согласования с зонами исторических центров. Наши белорусские города в целом стремятся к таким же показателям роста объема наследия, прежде всего за счет введения в него целых категорий новооткрытого, новоосознанного наследия: деревянного, индустриального, военного. Есть еще, правда, проблемы с законодательным оформлением, но они будут постепенно решаться.

Аксиология наследия – это отдельная большая тема в теории наследия. Существует множество взглядов на способы определения ценностей памятников и роль этих ценностей в управлении наследием. В самом общем виде выделяются как минимум шесть главных ценностей объектов наследия:

- 1) Ценность, заключающаяся в самом объекте. Ценностью, непосредственно связанной с материальной субстанцией объекта и являющейся основным критерием отнесения его к памятникам, служит аутентичность: материалов и их источника, технологии и конструкции, функции, формы, внутренней отделки.

- 2) Ценность, производная от объекта. Это такая ценность, источником которой служит объект: эстетическая ценность, историческая ценность, при анализе которой объект рассматривается как источник различных частей истории (истории науки и техники, общественных отношений, искусства). Сюда же относится и научная ценность. Вдруг обнаруживается научный интерес к невзрачным предметам старины. Иногда ценность объекта выявляется лишь тогда, когда он осознается частью архитектурного

комплекса, как, например, гродненский флигель дворца Администратора XVIII в. Научная ценность превращает объект в документ прошлого, к которому более невозможно проявлять только коммерческий или эстетический интерес.

3) Внешняя ценность связана с внутренней субстанцией объекта посредством каких-либо событий, происходящих вне самого памятника, но для восприятия которых объект наследия является отправной точкой: историко-художественная ценность объекта, который сохранился только частично, однако который хорошо известен по иконографическим источникам, историческая ценность объекта, являющегося фоном событий, которые даже не оставили на нем никаких материальных следов.

4) Добавленная ценность, которую объект обретает в процессе своего существования, следующая из роли, которую он играет в жизни общества: ценность источника памяти, ценность ландшафтной доминанты и т.д.

5) Коммерческая ценность. Как правило, старые вещи уже потеряли свою утилитарную ценность и больше не используются по назначению, поэтому их коммерческая ценность будет зависеть от материала, из которого они изготовлены, от качества исполнения и от рыночных взаимосвязей спроса и предложения. Чаще всего памятники культуры в обывательском смысле являются коммерчески малоценными потому, что их невозможно правильно оценить (например, как вы оцените старую плитку, оконные рамы и резные двери начала XX в.?). Теоретически государство может вообще изъять их из сферы коммерческих отношений. Совсем другое дело, когда архитектурный памятник попадает в категорию престижных товаров.

6) Коммуникационная ценность – объект воспринимается, прежде всего как знак. Этот знак присваивает себе какая-то группа общества, которая при помощи его определяет и утверждает свою самоидентификацию. Таким образом, эта вещь становится инструментом социальной коммуникации.

Один и тот же объект, как правило, охватывает несколько упомянутых ценностей.

Обратите внимание, что эстетическая ценность имеет действительно малое значение ввиду зыбкости ее определения. Кроме того, в случае с историческим памятником и культурным наследием мы сегодня имеем то, что было создано в прошлом (в соответствии с другими представлениями о красоте), и не можем трансформировать это во что-то более красивое с нашей точки зрения. Именно поэтому абсолютное большинство объектов современной архитектуры, размещенные в исторической городской среде заведомо проигрывают в наших глазах старым зданиям, из-за чего так часто критикуются общественностью. Дело тут не в их эстетических качествах (каждый архитектор старается строить «красиво») и не в нарушении стилистической среды (целостная стилистическая среда – чрезвычайная редкость, и в городах на одной улице, как правило, стоят памятники разных эпох и разных архитектурных стилей). Нет, это отторжение происходит на чисто подсознательном уровне, когда по совокупности заключенных в себе ценностей новое здание заведомо проигрывает старому несмотря ни на какие внешние достоинства. Мы же, чувствуя это подсознательно, далеко не всегда умеем грамотно сформулировать, выразить эту мысль, направляя всю аргументацию на объяснение лишь эстетической неполноценности.

Интерес к культурному наследию чаще всего проявляют пять социальных групп.

1) Владельцы. Владение памятником всегда символизировало власть и авторитет. До сих пор существует нерешенный (потенциальный или явный) конфликт среди частных и общественных интересов к культурному наследию.

2) Религиозные общины. При помощи конкретных артефактов и пространства общины осуществляют самопознание, воспринимают свои исторические корни. Обычно религиозные общины не склонны к популяризации эстетической, материальной ценности объектов, они отдают предпочтение скорее собственным воспоминаниям, связанным с этими объектами. Поэтому гродненская церковная администрация потребовала

пересмотра уже утвержденного проекта реконструкции Коложской церкви, тем самым усилив его отдаление от научной достоверности⁴.

3) Государственные структуры. Политическая власть на разных уровнях пытается заручиться признанием и уважением граждан, а также влиять на формирование их идентичности. Охрана культурного наследия при помощи подготовки специалистов и создания бюрократического аппарата охраны (ответственных институций) является одной из важных сфер, при помощи которой государство легитимирует свою власть.

4) Туристы (в широком смысле слова). Их интересы к культурному наследию различаются: они могут быть специфическими (паллигримные поездки) или смешанными (рекреация и получение знаний).

5) Академические слои. Специалисты часто считают себя единственными знатоками культурного наследия и думают, что только они умеют оценивать его действительно правильно и объективно. На самом деле, это не совсем так, потому что они очень тесно связаны с этими вещами и не являются беспристрастными. Наследие остается полем дискуссий.

Описываемые тенденции активизации осознания, охраны и интерпретации культурного наследия распространились по миру довольно быстро, прежде всего из-за такого процесса, как культурная глобализация.

Культурная глобализация – явление не новое. Истоки универсализации культуры можно обнаружить и на заре Новой истории, и гораздо раньше, во времена распространения мировых религий и элитарной культуры Римской Империи. Тем не менее, именно сегодня культурная глобализация переживает бум. Развитие коммуникации и информационных технологий во второй половине XX в. привело к интенсификации глобальных культурных потоков и культурного обмена. Глобальное взаимодействие стало осуществляться прежде всего посредством западной поп-культуры (в т.ч. туризма как ее элемента) и бизнес-коммуникации.

Следствием туристской глобализации стало мнение, что у каждого культурного пространства должна быть своя «фишка». Сегодня на фоне развития туризма многие культуры стараются подчеркнуть свои национальные особенности. Иногда даже в буквальном смысле изобретают их, выдавая за традицию. Так, например, были придуманы японская чайная церемония, шотландский килт. На локальном уровне происходит то же самое – туристы привозят из Кракова специальные картонные замки, а из Вильнюса – специфические яичные торты. Белорусы первым делом угощают гостей драниками и удивляются тому, что это национальное блюдо давно едят чуть ли не во всех европейских странах.

Вместе с тем практика архитектурной и городской консервации может идти (это очень хорошо видно в Беларуси) по пути стандартизации форм, гомогенизации пространства и оттого к уменьшению локального разнообразия. Существует точка зрения, согласно которой современные практики консервации не создают неповторимого городского ландшафта, а скорее пытаются генерировать морфологически стандартные пространства, которые не вносят вклада в творение идентичности места. Каждый из жителей Минска, Могилева, Гомеля и других городов может наблюдать это на примере появления на всех «реставрируемых» домах металлопрофиля на крышах и стеклопакетов в окнах, а также победного шествия серой бетонной плитки. В этом заключается парадокс. Чем больше белорусские городские власти стараются реставрировать/реконструировать города, тем более похожими друг на друга они становятся. Этот парадокс имеет несколько объяснений. Есть три главные объективные причины, почему реставрация наследия, которая предположительно должна повышать уровень местной идентичности, в реальности может способствовать ее уменьшению. Их обязательно необходимо

⁴ См. подробнее: 3 Каложскай царквы зробяць гібрыд XII і XIX стагоддзяў // <http://news.tut.by/126315.html>; Ці трапіць Каложа ў спіс сусветнай спадчыны UNESCO? // <http://www.svaboda.org/Content/Article/1358773.html>

учитывать, если мы не хотим бездарно растрачивать культурное своеобразие наших населенных пунктов.

Во-первых, с развитием информационных и образовательных технологий наиболее успешные архитектурные, реставрационные направления имеют свойство быстрого распространения. Будучи разработанными отдельной группой ученых, технологов, они тут же после апробации становятся достоянием всех остальных специалистов. Получается, что чужие местному окружению идеи реализуются практически везде. Теперь можно говорить в лучшем случае только о национальных архитектурных школах, да и то не всегда, потому что способны выделиться только крупнейшие направления, никак не коррелирующие с региональной архитектурной спецификой. Сейчас качество реставрационного вмешательства можно характеризовать скорее через принадлежность к определенному периоду времени, нежели к культурному региону.

Во-вторых, простота и дешевизна расходных материалов, изготавливаемых на стандартных поточных технологических линиях, делает мало отличным дизайн всех публичных городских мест, как вновь созданных, так и отреставрированных, так как реставрационные материалы также производятся поточно. Для примера – проблема скандалов с новой гродненской плиткой лежит вовсе не в самой технологии покрытия тротуаров, а в том, что точно такая же плитка лежит и в Гомеле, и в Лиде, и в Пуховичах⁵.

В-третьих, срабатывает практика выделения лучших образцов реставраторской и консерваторской деятельности. Благодаря стараниям таких международных организаций, как ЮНЕСКО, ИККРОМ и других разрабатываются общемировые стандарты Всемирного наследия, которые более нивелируют различия, нежели вносят оригинальность в решения⁶.

Все это, вероятно, не просто процессы глобального развития, стремящиеся к воспроизводству стандартных форм и образцов. За такое положение дел несет ответственность местный потребитель, он же и носитель идентичности.

Существуют диаметрально противоположные на уровне «философии» подходы к реновации. Охрана культурного наследия является «чистым изобретением» Западной цивилизации. Другие цивилизации и культуры вынуждены только перенимать ее принципы и методы через содействие таких международных организаций как ЮНЕСКО. Но не всегда этот процесс происходит без сопротивления. Например, японский путь охраны наследия выглядит довольно специфическим. В отличие от европейцев японцы смирились с тем, что остановить старение объектов и их разрушение невозможно, потому что все то, что при помощи всякого рода интервенций мы считаем «сохраненным», в действительности является так или иначе измененным или переработанным. Запад выбрал путь охраны аутентичности субстанции объекта, японцы – аутентичности его формы. Так как в Японии климат неблагоприятен к долговечности деревянных храмов, приходится время от времени их полностью отстраивать, тем самым совершенно аутентичным сохраняется их внешний облик при помощи древних техник их производства (например, комплекс синтоистских храмов в Исэ, который датируется VII в., при том что полностью перестраивается каждые 20 лет).

Таким образом, городская консервация – это недавний феномен, приобретший уже черты политического направления. Кроме того, это чисто европейский феномен. Наконец, стремление к консервации архитектуры – к сожалению прерогатива пока что высокообразованной элиты, влиятельного меньшинства.

Наследие и идентичность

⁵ Кстати, во всех исторических центрах европейских городов лежит совершенно одинаковая брусчатка, созданная по современным технологиям. Объективно говоря, она гораздо менее удобна для пешеходов, чем наша плитка.

⁶ См. подробнее: Gospodini A. European cities and place-identity // www.prd.uth.gr/research/DP/2002/uth-prd-dp-2002-02_en.pdf

Существует мнение, что национальная идентичность связана с широко распространенной памятью об общем историческом прошлом у людей, незнакомых друг с другом. Отсюда и проблемы с определением белорусской нации, которая в основном коллективно помнит себя лишь начиная с Великой Отечественной войны. Националистическая риторика утверждает, что не только внешние и культурные признаки людей формируют нацию, но и их принадлежность к определенной территории. Вот почему любой в принципе ландшафт и в особенности городской понимается как место, где национальная идентичность может быть создана либо даже изменена. Городской ландшафт – это «текст», сложенный из символов и воздействующий на «читателя», как и любая знаковая система, например, язык. Поскольку национальная идентичность вписана в определенный социальный, политический, эстетический и исторический контекст, она является социальным конструктом, нарративом. Все атрибуты национальной идентичности могут воплощаться в городском ландшафте.

Имеет место и диаметрально противоположный процесс: идентичность человека в свою очередь играет ключевую роль в процессе конструкции наследия и городского ландшафта⁷.

Среди основных процессов конструирования культурного наследия можно выделить объективный – под ним подразумевается непреднамеренное уничтожение либо повреждение объектов в результате природных или антропогенных бедствий, а также непреднамеренное их разрушение во время военных действий, их естественное саморазрушение. Однако этот процесс не является основным. На мой взгляд, преобладающим является процесс субъективный, который, в свою очередь, можно разделить на две части: пассивный и активный. Пассивный характеризуется участием объектов в определенных исторических событиях, принадлежность их к определенной культуре или эпохе. Самый же значимый процесс – активный субъективный, который связывается с действиями человека по преднамеренному физическому воздействию на объект (повреждение, переделка, восстановление) и его интерпретации. Активный способ конструирования наследия опирается на умственную деятельность человека, вектор которой напрямую зависит от его менталитета и определения собственной идентичности.

Рассмотрим ситуацию в Гродно, которая несколько сложнее, чем в целом по республике. Волею истории город стал центром особого историко-культурного региона, и в нем процессы столкновения различных дискурсов идентичностей (белорусской, польской, русской, еврейской, старосветской, «советской» и т.п.) протекают под гораздо более пристальным вниманием со стороны белорусского и международного сообщества, нежели в других белорусских регионах. Более того, идентичности не только размываются, они множатся, и этот процесс не остановит никакая госидеология. Даже в рядах защитников гродненского наследия нет единой позиции. Достаточно лишь вспомнить дискуссию по поводу того, какой объект должен стоять на месте Фары Витовта. Костел? Церковь? Концертный зал? Просто памятник в виде креста?

Как правило, национальная модель городской консервации, разрабатываемая правительством и национальной интеллектуальной элитой а затем реализуемая на локальном уровне, совершенно недвусмысленно апеллирует к национальной исторической мифологии о так называемом «Золотом веке». Например, в Голландии с целью дополнительной легитимации оранжистов, протестантов, либерал-капиталистов, национальных буржуа с XIX в. начал насаждаться внешний «голландский» стиль XVII в., причем повсеместно, независимо от локальных культурных и географических

⁷ Иллюстрацией данного утверждения служат события осени 2009 г. в Швейцарии, где ультраправая Народная партия, имеющая крупнейшую фракцию в одной из палат швейцарского парламента, добилась проведения референдума по вопросу о конституционном (!) запрещении строительства минаретов в швейцарских мечетях. Основной мотив: минареты могут стать первым признаком исламизации Швейцарии. 29 ноября 2009 г. на национальном референдуме 57% голосовавших поддержали предложение запретить строительство в стране минаретов.

особенностей. Теперь же кое-где стремятся избавиться от таких акцентов путем очередной реконструкции под средневековый «ганзейский» стиль для того чтобы подчеркнуть исторические связи со вновь открытыми прибалтийскими странами и странами Северного моря.

Послания городского наследия редко представляют собой однозначные утверждения. Напротив, памятники при своем создании уже заключили в себя большое количество смыслов из-за идейного плюрализма общества, и теперь пути расшифровки могут быть различными в зависимости от того, кто их интерпретирует. Поэтому любой барочный костел говорит о разных вещах католикам, протестантам, мусульманам, атеистам и даже, наверное, сепаратистам, националистам и космополитам⁸.

Вот уже три десятилетия недвижимое наследие европейских городов находится в фокусе внимания архитектурного дискурса, определяемого тенденциями городского дизайна и планирования. Беларусь, как и ЕС, поддерживает архитектурное наследие, разрабатывая и реализуя специальные программы, финансируя появившиеся теперь в каждом городе исследования и проекты, касающиеся консервации, ревитализации, обновления исторических центров, выдающихся зданий и сооружений. Делается это у нас в авральном режиме и иногда топорно, однако точно такие же проблемы волнуют специалистов в Италии, Франции, Голландии.

В материальном отношении прошлое стремится к существованию в событиях и объектах. Отсюда вопрос о критической селекции прошлого. Что должно быть сохранено? Наиболее простой ответ на этот вопрос лежит на поверхности: должно быть сохранено все. Но так ли это на самом деле? Должны ли быть сохранены в белорусских городах памятники Ленину, Дзержинскому и другим коммунистическим деятелям? А свидетельства пышного губернского прошлого под властью Российской империи? А костелы – свидетельства «полонизации» времен Речи Посполитой? Каков конечный идеальный итог всех этих реконструкций и реставраций, так популярных сегодня в Беларуси, и как узнать о его достижении? В новом тысячелетии значение этих вопросов для множества городов приобретает финансовые, физические и психологические контуры.

Подводя краткий итог вышесказанному, главными принципами, определяющими доминирование процессов музеефикации или разрушения, являются: 1) включение национальной идентичности в сохраненные городские формы, 2) создание определенных образов городов средствами презентации наследия. Почти все европейские города в определенной степени манипулируют двумя вышеназванными процессами, поэтому их архитектурное наследие теперь «отрежиссировано» и отобрано по критериям создания великого нарратива, поддерживающего конвенциональную национальную идентичность.

Как видно из приведенного материала, процесс отбора объектов и их осознания культурными ценностями – очень серьезный и ответственный. Поэтому главной проблемой охраны культурного наследия является не технический, а морально-этический вопрос. От какого наследия мы отказываемся и которую его часть решаем считать своей и беречь? Только ответив на эти вопросы можно заняться практическим поиском, выявлением, исследованием объектов культурного и/или природного наследия, фиксацией общей массы наследия и технологиями охраны его материальной субстанции.

Наследие и интерпретация

Флагманами развития теории интерпретации историко-культурного наследия стали американские исследователи, прежде всего музеологи.

В США процесс возникновения теории и практики интерпретации культурного наследия был детерминирован такими фактами социальной истории, как рождение общества массового потребления и, соответственно, массовой культуры, основанной на культе потребления и ориентированной в первую очередь на создание

⁸ См. подробнее: Ashworth G.J. The conserved European city as cultural symbol: the meaning of the text // Modern Europe. Place, Culture and Identity (ed. by B. Graham). – London: Arnold, 1998. – P. 261-286.

привлекательных коммерчески-ориентированных образов. В обществе развитого благосостояния люди смогли удовлетворять не только свои первичные потребности, но получили возможность обладать чем-то большим, ранее считавшимся предметом роскоши. Одним из таких «излишеств» стала возможность совершать путешествия.

Ключевые характеристики продуктов массовой культуры – это, с одной стороны, сравнительная простота (доступны для всеобщего понимания, не требуют умственных усилий и, значит, отучают думать), но, с другой стороны, продукт должен как-то отличаться от остальных, быть узнаваемым. Так родились лейблы, товарные ярлыки. Теперь путешествия стали элементом массовой культуры, появилась необходимость создания туристских ярлыков – узнаваемых и достаточно простых. Эти тенденции совместились с развитием гуманитарных наук, эволюцией с середины XX в. понятий «культура», «наследие», «окружающая среда» и т.д.

И вот практичные американцы научились продавать культуру, наследие, окружающую среду, причем так, чтобы акт покупки (посещения места) становился сопряженным с большим удовольствием (одно дело увидеть Гранд-каньон, совсем другое – понять, как он образовался, как он важен для экосистемы американского континента, тут же увидеть сценку из жизни индейцев и купить пластмассовый томагавк). Чем искуснее техника интерпретации, тем проще ее воспринимать без усилий и чтения дополнительной литературы, тем приятнее пребывание на объекте.

Родоначальником теории интерпретации культурного наследия является канадский журналист Фриман Тилден. В своей книге «Интерпретация нашего наследия»⁹, написанной еще в 1957 г., он определил интерпретацию культурного наследия как «воспитательную деятельность, целью которой является раскрытие смысла и взаимоотношений благодаря использованию подлинных объектов, знаний, полученных из первоисточника, и наглядных предметов в большей мере, чем просто посредством изложения фактов».

Существуют следующие характеристики удачной интерпретации: интерпретация старается научить правде, постигнуть смысл, передать понимание и поэтому имеет серьезную образовательную цель; интерпретация базируется на подлинных предметах; интерпретация должна быть обеспечена научными исследованиями каждого музейного предмета, каждой программы, аудитории и должна выработать такие методы презентации, которые обеспечат более эффективную коммуникацию; интерпретация должна использовать, где это возможно, чувственное восприятие – изображение, звук, запах, вкус (этот сенсорный подход должен дополнять, но не подменять общепринятый рациональный вербальный способ понимания); интерпретация – это неформальное образование, которое зависит только от воли зрителя, часто занимательное и увлекательное. Она может провоцировать желание больше читать, посещать другие места, искать другие пути для получения удовольствия от общения с раритетами¹⁰.

Таким образом, интерпретация – это объяснение посетителям значения увиденного ими объекта или достопримечательного места. Люди должны осознать важность момента их пребывания «здесь» и подумать над сущностью и значением интерпретируемого объекта. Это поможет им ощутить себя причастными к нему и позволит лучше запомнить время посещения. Так реализуется развивающая и воспитательная функции путешествия. Именно открытие чего-то интересного, что раньше не было известно широкому кругу туристов, позволяет человеку получить образовательную пользу от путешествия, заставит его поделиться со своими знакомыми впечатлениями о путешествии на более высоком уровне. Интерпретация помогает упорядочить передаваемую информацию, достигнуть цели интерпретации самым эффективным образом, не утомляя посетителя.

⁹ Tilden F. Interpreting our Heritage. – North Carolina: The University of North Carolina Press, 2007. – 212 p.

¹⁰ Краснова Е.М. Проектирование интерпретации культурного наследия. – Вильнюс: ЕГУ, 2007 (конспект лекций).

Главное, что при достижении этого эффекта люди понимают важность охраны наследия.

К основным методам музейной интерпретации можно отнести экскурсии (традиционные, театрализованные, игровые). Дополнительные методы музейной интерпретации – это: ориентация, «оживление» экспозиции, лекции, конференции, семинары, круглые столы, публикации, телепрограммы, фильмы, реконструкции, временные выставки.

Немузейный вид интерпретации включает следующие методы: исторические реконструкции, традиционные праздники, фестивали, ярмарки, художественные акции и т.д.

Интерпретировать можно все: здания, природные ландшафты, аспекты культурной жизни, города, мелкие материальные объекты, предприятия, исторические события, занятия¹¹.

Необходимо помнить о том, что многие интерпретационные послания попали на разнообразную и обширную коллекцию наследия, которое было отмечено чем-то не совсем благозвучным, из-за чего наследие не всегда приятно людям. Поэтому множество посланий, транслируемых законсервированным ландшафтом, относятся к числу тех, которые современные «потребители» скорее не поймут или просто не смогут «прочитать». Почти в каждом европейском городе существуют в законсервированном состоянии целые районы и отдельные строения, свидетельствующие отнюдь не в поддержку правящих режимов, а скорее о многочисленных их ошибках, даже прошлых преступлениях и глупостях. Это, например, тюрьмы, еврейские гетто, заброшенные синагоги и другие.

Поэтому общей чертой многих правительств является политика маргинализации, упрощения, изменения и даже уничтожения таких исторических символов в надежде стереть память об их посланиях. Имеет место переинтерпретация существующих символов. Они становятся менее болезненными или диссонирующими. Поэтому никто уже не видит ничего ужасного в стоящих в городе боевых машинах, пушках, крепостных стенах, местах совершения казней. Если скрыть их прямой смысл невозможно, они часто представляются нам в качестве интереснейших образцов техники, уникальных исторических объектов, используются как элементы индустрии развлечений. Так, разрушенные во время Второй мировой войны европейские города Ковентри, Дрезден, Роттердам и другие все меньше упоминаются в этом контексте. Это связано с общеевропейской политикой примирения. Также забывается ключевая роль Бристоля или Амстердама в торговле африканскими рабами.

«Строительный материал», из которого собирается «продукт» наследия, включает обширную и многообразную смесь исторических событий, персоналий, народных традиций, мифологии, литературных ассоциаций и оставшихся архитектурных артефактов, находящихся в городах, которые в свою очередь с чем-то ассоциируются. Прошлое поэтому лучше всего рассматривать в виде источника разнообразных возможностей, только очень небольшая часть которых может потребляться под видом нашего наследия. Интерпретация – это не ресурс, а буквально сам продукт. Интерпретация вызывает серию сознательных выборов и, как на всех успешных предприятиях, это вопрос скорее спроса, нежели предложения. Если наследие создано потребителем, значит оно автоматически будет для него аутентичным.

Конечный продукт – наследие – имеет свое специфическое значение, которое не вписывается в определение его как законсервированного остатка истории. Наследие включает существование миссии и может определяться только в понятиях активного или пассивного использования. Если быть более точным, не существует национального

¹¹ Трудно переоценить значение удачной интерпретации в деле сохранения памятников архитектуры. Однако здесь может таиться опасность подмены аутентичного объекта интерпретационной «оберткой». Ни одна хорошая экспозиция, фестиваль, выставка ремесел не заменит необходимость реставрационной борьбы за сохранение подлинной материальной субстанции памятника.

наследия, но в почти бесконечном разнообразии наследий каждое создано для удовлетворения потребностей определенной группы потребителей. С точки зрения потребителя, каждая индивидуальная потребность определяет создание любого уникального продукта наследия в момент потребления. Важно отметить, что самые различные продукты для самых разных рынков могут быть созданы из одного набора строительных материалов посредством только лишь изменения способа интерпретации.

Отсюда богатство способов интерпретации наследия. Оно может быть интерпретировано бесконечное количество раз в угоду политической, культурной и экономической конъюнктуре. Более того, различная интерпретация может сосуществовать, будучи двигателем как конфликтов, так и успешного сосуществования интерпретаторов, в зависимости от той же конъюнктуры. Вместе с тем, интерпретация может быть разрушающей (демонтаж культурного значения объекта), созидющей (изобретения культурного значения), возрождающей (восстановление культурного значения).

В практическом отношении культурное наследие обладает неисчерпаемым и скорее всего еще не до конца раскрытым потенциалом. Основными проблемами его использования можно выделить потенциальный плюрализм интерпретации, которая может вызвать социальные конфликты, а также проблему этической стороны экономической эксплуатации либо повышения популярности объектов, создания им «модного» имиджа.

Наследие и экономика

В данном разделе речь пойдет не о выгодах от привлечения туристских потоков: они и так всем известны. Я являюсь поклонником идеи развития культурного туризма в Беларуси, однако против того, чтобы наши города превращались в показную гостиную. Поэтому попытаюсь сконцентрироваться на тех экономических процессах, которые обычно упускаются из виду.

Каждый успешный проект реставрации городского центра – независимо от размеров города – включает в себя сохранение исторической среды как ключевой компонент стратегии.

Экономическая выгода измеряется тремя показателями: количеством созданных рабочих мест, ростом доходов населения и увеличением спроса на продукцию других отраслей. Лишь немногие из существующих 500 видов экономической деятельности могут оказывать такое же действенное влияние на местную экономику по этим критериям, как восстановление исторических зданий.

Сохранение наследия – фактически стратегия поэтапного экономического развития. Объекты – это невозполнимый реальный актив. Исторические здания с успехом используются для новых целей, конвертируются из жилых в торговые и административные, из индустриальных – в жилые и т.п. Разноплановость назначения здания защитит его от нестабильности, возможной при единоначальном использовании. Многие исторические здания, используемые в коммерческих целях, можно сделать многофункциональными.

Сохранение памятников зачастую оказывает антициклический эффект, стабилизирующий местную экономику. Бытует мнение, что сохранение исторических объектов общество может себе позволить только в благополучные периоды. Но справедливо и обратное утверждение. Опыт многих городов показывает, что мероприятия по сохранению исторического наследия – один из немногих светлых лучей в те периоды, когда остальные сферы экономики переживают не лучшие времена. Причин тому множество. Масштаб проектов по сохранению наследия невелик, поэтому они остаются доступными с точки зрения стоимости, когда крупные проекты по возведению новых зданий и сооружений неподъемны. Поддерживается местная экономика. Наконец, благодаря реализации таких проектов владельцы недвижимости в исторической части

города обретают уверенность, что их дома не снесут, чтобы на очередном витке роста цен на недвижимость через пару десятков лет построить на их месте новые объекты.

Работы по реновации наследия создают рабочие места. До 70 % расходов на восстановление исторических объектов идет на оплату труда. Нанимаются большей частью местные работники, тем самым деньги остаются в местном бюджете. Рабочие места при восстановлении исторических объектов создаются не только в строительных профессиях. Местная экономика оживляется гораздо сильнее: при «историческом» строительстве рабочих мест образуется на 25 % больше, чем при постройке новых автодорог и улиц, так как это чрезвычайно трудоемкое дело. Причем используется труд преимущественно высококвалифицированных рабочих. Большое количество рабочих мест возникает и в смежных областях. Строится сопутствующая инфраструктура, создаются столярные и слесарные мастерские, малые предприятия¹².

Грамотная реновация исторических объектов положительно влияет не только на местный рынок труда, но и на местных поставщиков. При восстановлении традиционных построек используются только местные материалы, в то время как материалы для новых строений зачастую приобретаются в других регионах.

Уплотнение исторической застройки дешевле, чем строительство новых зданий на окраине, так как экономит затраты на проведение инфраструктуры (коммунальной и транспортной). Наиболее эффективным методом предотвращения расползания пригородов является более интенсивное использование зданий и строительных площадок, уже имеющихся на территории города. Повторное использование исторических зданий означает также использование существующей инфраструктуры, требующей, возможно, лишь реконструкции. Но важны затраты не только на создание новой инфраструктуры в отдаленных районах. Ее поддержание в течение 30–50 лет является самой большой статьей расхода. Из-за расползания города уничтожаются гектары лесов, ферм и заболоченных территорий. Приходится строить новые школы, новые улицы, новые троллейбусные линии и новые парки. Если же одновременно с непродуманным развитием окраин позволить центру города деградировать, то это вызовет недогрузку инфраструктуры, уже оплаченной бюджетными деньгами. Если еще при расчете затрат на новое здание учитывать стоимость сноса старого, реконструкция выглядит гораздо более привлекательно.

Реставрационные и консервационные работы – это прибыльный, растущий бизнес. Льготы и дотации на сохранение исторического наследия могут сделать это дело очень выгодным для инвесторов. Такое стимулирование в экономическом смысле представляет собой замечательное вложение ограниченных общественных ресурсов.

Восстановление памятников может стать частью стратегии, призванной привлечь промышленные и перерабатывающие компании. Тут речь идет не о размещении предприятий в историческом центре, но о поддержании экономического и культурного имиджа города. Агенты промышленных компаний, инвесторы признают значимость исторического ресурса в качестве основного фактора привлечения новых предприятий в ту или иную местность при прочих равных условиях (налоговые ставки, льготы, зарплата рабочих). Факторы, привлекающие внимание людей во время поездки по той или иной местности, также играют роль при выборе места жительства. В престижный город привлекаются новые жители, приносящие с собой новый человеческий и материальный капиталы. То же самое и с производственными мощностями.

Даже после всего лишь косметического ремонта фасада здания и прилегающей территории увеличивается прибыль размещающейся в здании фирмы, особенно если она занимается торговлей или оказанием услуг широкому кругу населения. Привлекается больше клиентов. Исторические здания представляют собой идеальные места для

¹² См. подробнее: Рипкема Д.Д. Экономика исторического наследия. – М.: Билдинг Медиа Групп, 2006. – 155 с.

размещения малых фирм, особенно в обслуживающей сфере. При этом, как правило, исторические центры представляют довольно широкую амплитуду арендных цен.

Важным фактором экономического развития становится качество жизни, и сохранение исторического наследия играет здесь не последнюю роль. Высокие темпы инноваций зависят в основном от притока интеллектуального ресурса, а не от наличия полезных ископаемых и дешевой рабочей силы. Ключ к привлечению высококлассных специалистов – предложение уровня, а не дешевизны. Процветающая компания должна располагаться в таком месте, которое привлечет ярких, творческих людей, ибо им нужна неосязаемая вещь под названием «качество жизни». Гордость за место, где живешь, – фундамент качества жизни.

Реновация памятников стимулирует новое строительство и другие программы развития, которые делают жизнь горожан более комфортной. Даже к строительству абсолютно новых зданий в исторических центрах применяются гораздо более высокие художественные, технические, эстетические требования, что способствует развитию творческого потенциала архитекторов, строителей.

Экологический аспект: сохранение исторического наследия может быть стимулировано высокой стоимостью захоронения строительных отходов. Немалые средства были потрачены на программы по раздельному сбору мусора, по его вторичной переработке. Почему-то обычной пластиковой бутылке удаляется довольно много внимания, но никто не обращает внимания на то, когда на свалку «выбрасывают» целый двух-трехэтажный дом, который также содержит в себе множество экологически вредных веществ.

Сохранение исторических объектов оказывает значительное и продолжительное позитивное влияние даже после завершения проекта. Предоставляя району статус исторического и проводя реновационные работы, правительство наглядно демонстрирует свою заботу о нем. Цены на жилую недвижимость в таких районах стабильно растут и не подвергаются резким колебаниям, что является катализатором для притока частных инвестиций. Инвесторы знают, что их объекты под охраной. Рядом с ними никогда не построят мусороперерабатывающий завод или новую автостраду. При этом совершенно необязательно и даже вредно с социальной точки зрения, чтобы в центре оставалось только элитное жилье. Центральная историческая часть города является единственным местом, которое принадлежит всем жителям, независимо от того, кто является владельцем стоящих там зданий: богатым и бедным, умным и глупым, старым и молодым. Центр города заставляет нас сталкиваться с людьми, которые отнюдь не являются нашим зеркальным отображением. Центр – это место общения и выработки новых идей. Хорошо известно, как трудно «родить» свежую идею в общении с людьми, которые постоянно соглашаются с нами. Коммуникация – один из главных факторов развития экономики.

Сила и потенциал исторических зданий заключается в том, что их можно всегда использовать в новых целях в соответствии с требованиями экономической гибкости, которые выдвигает рынок и новые технологии. Каждому городу, претендующему на какую-то роль в новой мировой экономической структуре, жизненно необходим центр с историческими памятниками. Невозможно вообразить, чтобы в центре города мирового класса не было качественной (во всех смыслах) недвижимости и не проводились бы культурные мероприятия.

Таким образом, наше архитектурное наследие явно недооценено с экономической точки зрения. Это наш реальный актив, золотой телец, если хотите. Разрешение на снос или кардинальную перестройку таких объектов должно выдаваться только после того как комиссия ознакомится с проектом строительства, выяснит, как здание будет использоваться в будущем, и убедится в надежности источников финансирования проекта. Если этого нет, лучше оставить пустующее старое здание в надежде на поступление лучшего строительного предложения. И нет более безответственного с

финансовой точки зрения решения, чем согласие на снос исторического здания под строительство наземной парковки или для расширения дороги.

Какой можно сделать вывод из перечисленного комплекса проблем, которые сегодня волнуют специалистов по охране и интерпретации культурного наследия во всем мире, и которые самым тесным образом коснулись белорусских городов?

К сожалению, самый главный вывод пессимистичен. Мы слишком поздно начали осознавать значение своего наследия, а строительная машина разогналась настолько сильно, что остановить ее в ближайшее время не удастся. Также не получится в одночасье воспитать всех белорусов (а прежде всего белорусов, ответственных за принятие решений) в духе любви к своим городам и к своей собственной истории.

Историко-культурное наследие наших городов находится на пересечении национального, политического, экономического, технологического факторов, которые самым непосредственным образом влияют на процессы его трансформации как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении.

Архитектурное наследие белорусских городов только сегодня попадает под надзор представителей различных научных дисциплин, как точных, так и гуманитарных, а потому, как мне кажется, следующий этап его трансформации будет носить качественно иной уровень.

Важно убедить всех администраторов в необходимости учета множества самых разнообразных факторов как практического, так и теоретического свойства. В этом и заключается непосредственная польза от теории наследия.